

Глава 4

— Время — золото, — изрёк Фу Сиянь. — Давайте сократим расходы и ограничимся тремя раундами: кто больше раз попадёт, тот и победил. Мишени будем ставить по очереди.

Чу Шаоян, заявлявший, что «немного смыслит» во всех восемнадцати видах оружия, явно лукавил. При его превосходстве над Фу Сиянем — а их разделяла пропасть в целую стадию развития — выбор оружия не имел для него равным счётом никакого значения.

— Согласен, — коротко бросил он.

— Я толстый, так что пойду первым! — Фу Сиянь, не теряя времени, подбежал к одной из мишеней.

Натужно кряхтя, он приподнял тяжёлый щит и мелкими, семенящими шажками потащил его вперёд. Остановившись всего в паре метров от Чу Шаояна, толстяк с трудом перевёл дух.

— Для первого раунда, пожалуй, хватит и этого. Пусть стоит здесь!

Гвардейцы из фракции Фу хранили молчание, но в рядах сторонников Чу на лицах застыло неприкрытое презрение. В их взглядах так и читалось:

И это всё?

Всего лишь?

Серьёзно?!

Наконец один из них не выдержал и озвучил общую мысль:

— Такая дистанция... Не кажется ли вам, страж Фу, что это больше похоже на детскую забаву?

Сиянь окинул его взглядом, словно говоря: «Ну что мне с тобой делать, егоза такая», после чего послушно передвинул мишень ещё на один цунь.

Тот лишь скривился:

— Неужели вы просто трусили?

Фу Сиянь проигнорировал выпад и обернулся к Чу Шаояну:

— Если бы я боялся, я бы не вышел против тебя, верно?

В его словах крылся тонкий намёк: если Чу признает его страх, Сиянь с радостью свернёт лавочку и откажется от поединка.

Чу Шаоян задумчиво посмотрел на мишень. Он решил, что Сиянь просто пытается упростить задачу до предела: если состязаться в сложении «один плюс один», то проиграть невозможно. Однако в этом плане был изъян: правила позволяли ставить мишень по очереди, а значит, во втором раунде Шаоян сам установит дистанцию. Одна ничья и одна победа — и он в дамках.

— Разумеется, — с улыбкой ответил юноша. — Брат Фу известен своим бесстрашием.

Сиянь удовлетворённо кивнул:

— Теперь выберем оружие.

Чу Шаоян, подозревая подвох, вежливо предложил:

— Прошу вас, брат Фу, выбирайте первым.

Сиянь не стал церемониться. Он взял один из луков и придирчиво взвесил его в руке. Заметив, что соперник тянется за вторым, он усмехнулся:

— Проверь хорошенько. Мы ведь мужчины, негоже будет потом искать оправдания и менять оружие на полпути.

Эти слова лишь укрепили подозрения Чу Шаояна, и он осмотрел свой лук с удвоенным вниманием.

Один из его сторонников тем временем подошёл к мишени. Пробормотав что-то о том, как много на ней пыли, он ощупал её сверху донизу и, не обнаружив ничего подозрительного, едва заметно покачал головой, давая Шаояну знак, что всё чисто.

«Неужели подвох в самом луке Сияня? — гадал Чу Шаоян. — Но как этот увалень мог предугадать сегодняшний вызов и подготовиться заранее?»

Отбросив сомнения, он уверенно вскинул руку:

— Прошу.

Сиянь, однако, покачал головой:

— Я здесь всего на пару дней дольше тебя, так что гость идёт первым. Начинай.

Чу Шаоян вперил в него пристальный взгляд, затем резко развернулся к цели. Натянув тетиву, он выпустил стрелу. Та, как и ожидалось, со свистом вонзилась точно в центр мишени.

— Великолепно!

Сторонники Чу разразились аплодисментами. Фу Сиянь не остался в стороне и тоже энергично захлопал в ладоши.

Собеседник остался холоден:

— Твой черёд, брат Фу.

— Секунду, сейчас начну, — кивнул Сиянь.

Шаоян ждал. Прошла минута, другая, но Фу Сиянь не двигался. Среди гвардейцев Чу началось недовольное перешёптывание, да и люди Фу пребывали в полном недоумении. Лишь верность общему делу мешала им открыто выразить своё замешательство.

Пара комаров закружилась над головой Чу Шаояна. Он привычно прихлопнул их, размазав кровь по ладони. Глядя на то, как толпа закипает от нетерпения, а Фу Сиянь застыл подобно каменному изваянию, он не выдержал:

— Брат Фу?

Тот ответил с самым таинственным видом:

— Погоди ещё немного.

— Ты что, ждёшь своего дядю? — выкрикнул кто-то из толпы Чу.

Фу Сиянь на мгновение задумался.

— Если рассуждать в таком ключе, то почему бы и нет?

Это вызвало новую волну насмешек:

— В твоём возрасте всё ещё прячешься за спину дяди? И это ты называешь себя мужчиной?

Сиянь ответил со всем возможным смирением:

— В трактате «Ди Цзы Гуй» сказано: «И в еде, и в ходьбе старшим — первенство, младшим — следование». Видимо, домашнее воспитание у меня слишком строгое, привык соблюдать приличия. Не то что в иных домах, где нет ни чинов, ни уважения, и племянники заставляют дядьёв бегать за собой хвостом. Если это и есть ваш идеал мужчины, то мне до него далеко.

Лицо насмешника мгновенно залилось краской:

— Я совсем не то имел в виду!

Сиянь, не дослушав, приветливо махнул кому-то рукой:

— А, дядя Чжу! Ты как раз вовремя.

Все обернулись. Чжу Юйда, незаметно покинувший плац ранее, пробирался сквозь толпу. За его спиной не было никакой подмоги, на которую рассчитывал Чу Шаоян. Гвардейцы Чу замерли в замешательстве: неужели они ошиблись? Неужели этот толстяк настолько безрассуден, что готов принять вызов, не имея козыря в рукаве?

Чу Шаоян даже почувствовал к нему тень уважения. Знает, что проиграет, но стоит до конца — это достойно воина!

Фу Сиянь, казалось, ничуть не сомневался в успехе. Он небрежно передал лук стоявшему рядом гвардейцу и протянул руку к Чжу Юйде. Тот вытащил из-за пазухи небольшую изящную рогатку и горсть отполированных шариков.

Прикоснувшись к оружию, Сиянь восхищённо цокнул языком:

— Хорошая вещь.

— Ещё бы! — проворчал Чжу Юйда, но, поймав на себе хищные взгляды противников, тут же поправил тон. — Чтобы раздобыть её, я потратил все свои силы. Смотри не опозорься!

— Будь спокоен. — Фу Сиянь проверил натяжение резинки. — А теперь иди и вытащи стрелу Чу Шаояна.

Чжу Юйда бросил взгляд на мишень. Дистанция была пустяковой, и он решил, что Сиянь наверняка справится. С воодушевлением он подбежал к щиту и выдернул стрелу.

Фу Сиянь примерился рогаткой к цели, после чего, словно только что вспомнив о

существовании противника, спросил:

— Мы ведь состязаемся в меткости, ты ведь не против моего выбора?

В этот момент Чу Шаояну показалось, что он разгадал весь замысел врага.

По сравнению с луком рогатка была компактнее и требовала меньше сил. На дальних дистанциях она бесполезна, но вблизи управлять ею куда проще. Глядя на нежные руки Сияня, Шаоян окончательно убедился: тот просто не привык к тяжёлому оружию и ищет лёгких путей.

«Твои жалкие уловки ничего не значат перед истинной силой», — подумал он.

— Как вам будет угодно, брат Фу.

Сиянь, не дожидаясь новых комментариев, вскинул руку. Натяжение, прицел — и шарик, подобно выпущенной стреле, с идеальной точностью влетел в отверстие, оставшееся от наконечника Шаояна. Он засел там плотно, словно вбитый гвоздь.

— Bravo!

Чжу Юйда первым сорвался на аплодисменты, и остальные люди Фу, хоть и с некоторым сомнением, поддержали его. Атмосфера на плацу мгновенно оживилась.

Сторонники Чу лишь молча переглядывались. «Так вот зачем они вытащили стрелу Шаояна — чтобы было куда метить!» — читалось в их глазах. Они подавали Шаояну знаки, надеясь, что тот возмутится столь откровенному мошенничеству.

Но Чу Шаоян оставался спокоен и уверен в себе. Это была лишь ничья в первом раунде. Впереди был второй — по его правилам.

— Теперь мой черёд выбирать цель, — улыбнулся он.

Фу Сиянь послушно кивнул:

— Слушаю тебя.

Чу Шаоян указал на далёкую невысокую стену:

— Видишь ту стену? Пусть мишенью станет муравей, что ползёт по ней.

Сиянь ожидал подвоха, но не до такой же степени! До стены было около пол-ли — само расстояние было за пределами возможностей обычного человека, а попасть в крошечного муравья... Очевидно, во втором раунде у него не было ни единого шанса.

Даже опытные мастера на Стадии Закалки Костей, присутствовавшие на плацу, понимали: силы рук им, возможно, и хватит, но вот зрение подведёт наверняка.

Юноша вскинул лук. Тетива натянулась до предела, казалось, древесина вот-вот треснет. Внезапно стрела сорвалась с места и в мгновение ока вонзилась в стену.

— Давайте проверим! — воскликнули воодушевлённые гвардейцы Чу.

Толпа, увлекая за собой Шаояна и Сияня, поспешила к стене. Наконечник глубоко ушёл в кладку. Когда тот вытащил стрелу, все увидели на самом её острие половинку раздавленного муравья.

Возгласы восхищения заполнили плац:

— Невероятно! Герой среди юношей!

— Это уже не просто меткость, это истинное мастерство!

— Истинный племянник генерала Чу, львиное сердце!

Постепенно восторги поутихли, и все взгляды вновь обратились к племяннику другого генерала.

Фу Сиянь сохранял полное олимпийское спокойствие.

Как зрелый бездельник, он придерживался принципа «одной настойчивости» и «двух решительных нет»: настаивать на своём покое, даже если вокруг всё идет кругом; ни за что не поддаваться психологическому давлению эксплуататоров; ни за что не позволять дурным веяниям вести себя за нос.

Он посмотрел на Чу Шаояна с искренним сожалением:

— Моё сердце исполнено сострадания ко всему живому. Я даже пол не подметаю, чтобы случайно не раздавить букашку, не говоря уже о том, чтобы пронзать их стрелами. Конечно, милосердие — это моя личная добродетель, и я никого к ней не принуждаю. Твоё мастерство, брат Чу, внушает трепет. В этом раунде я признаю поражение.

Улыбка сползла с лица Чу Шаояна. Одно дело, если бы это сказал какой-нибудь хрупкий юноша, но Фу Сиянь с его комплекцией явно не на траве вырос. Какое уж тут милосердие к муравьям? Скорее уж лень матушка не даёт веник в руки взять!

Сиянь, невинно хлопая глазами, мягко произнёс:

— Продолжим? Последний раунд.

— Сгораю от нетерпения, — сквозь зубы процедил Шаоян. «Давай, ничтожество, покажи, на что ты способен!»

— Не спеши, дай мне подумать. — Фу Сиянь подозвал Чжу Юйду.

Тот вытащил из рукава сочную грушу.

Сиянь уже собрался было вонзить в неё зубы, как вдруг его взгляд застыл на сопернике.

— Брат Чу, твоя шапка ведь новая, верно? Но почему на ней...

Официальные шапки шились по единому образцу, как на них могло быть что-то лишнее?

— Что там? — Чу Шаоян невольно подался вперёд. Стоило ему на мгновение склонить голову, как на его головном уборе чудесным образом оказалась груша.

Фу Сиянь просиял:

— Вот и третья задача. Мишенью станет эта груша на твоей голове.

Видимо, Чу Шаоян слишком редко встречал в жизни настоящих прохвостов. Тот, кого с детства разыгрывали одноклассники — выбивали стул из-под сажащегося, подставляли подножки на физкультуре или хлопали по плечу, стоя с другой стороны — на такую дешёвую уловку ни за что бы не купился.

Юноша замер.

— Брат Фу, ты ведь шутишь? — выдавил он натянутую улыбку.

В его голове лихорадочно проносились варианты: как попасть в грушу на собственной голове? Обычный выстрел невозможен — стрела не полетит назад. Если стрелять в обратную сторону, то лук Северной Чжоу слишком велик, его просто так не натянуть. Разве что наступить одной ногой на тетиву, выставив другую назад для регулировки угла, одной рукой натягивать лук, а

другой...

От одной мысли о подобной картине он почувствовал, что его сейчас разорвёт на части!

«Какая низость! Я не позволю ему водить себя за нос!»

Он потянулся было к груше, но Фу Сиянь крепко схватил его за запястье. Глаза Сияня светились невинностью, за которой скрывалось запредельное бесстыдство:

— Мы ведь договорились: я ставлю задачи в первом и третьем раундах, ты — во втором. Неужели ты нарушишь своё слово?

— Мы здесь собрались для воинского состязания! Как ты смеешь прибегать к таким грязным трюкам?! — Чу Шаоян окончательно вышел из себя.

Сиянь лишь усмехнулся:

— Насколько я помню, речь шла о «дружеском поединке». А поединок может быть разным: и силовым, и техническим... и интеллектуальным. Всё в рамках правил.

Чу Шаоян сверлил его взглядом, пока на его губах не появилась холодная усмешка:

— Что ж, брат Фу, ты прав.

Сторонники из фракции Чу, уже начавшие косить глазами от напряжения, заволновались:

— Шаоян, не смей!..

Фу Сиянь радостно перебил их:

— Брат Чу признаёт поражение?

Ряды Чу продолжали фоновым шумом выкрикивать: «Нет, нет, не надо, не смей!»

— Даже если я не смогу этого сделать, неужели это под силу тебе? — бросил Чу Шаоян.

— Раз ты сдаёшься, наступает мой черёд. — Сиянь потянулся к груше, но Шаоян ловко уклонился.

С грушей на голове и абсолютно каменным лицом он отчеканил:

— Если это третья задача, разве груша не должна оставаться на моей голове?

Фу Сиянь медленно опустил руку:

— О? Вот как ты решил?

В мгновение ока он вскинул рогатку. Чу Шаоян, будто предчувствуя выстрел, рванулся вверх и, словно огромная птица, взмыл над головами изумлённой толпы.

<http://bllate.org/book/15317/1354468>